

*Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас;
возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня,
ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим...
(Мф 11:28–29)*

День был тёплый и солнечный, но уже чувствовалось приближение осени. Прозрачный воздух, резкие тени. Август медленно угасал. Тихое, как будто слегка подёрнутое лёгкой дымкой, утро золотилось на солнце.

Отец Николай сидел в старом, застиранном подряснике на скамеечке возле своего дома. Ему было уже далеко за восемьдесят, но он был молод и сердцем, и умом. Когда-то чёрные, смоляные — волосы его давно побелели. Теперь всем своим обликом —

и белыми волосами, и богатой бородой — протоиерей Николай напоминал Деда Мороза, которого с нетерпением ждут дети на Новый год.

Прикрыв глаза, батюшка сидел на скамеечке и о чём-то думал. Вдруг стало хмуриться. Приложив руку козырьком к глазам, батюшка посмотрел на небо: тёмной меховой шапкой висело оно низко над деревней.

Из дома вышла матушка Елизавета, жена отца Николая. Вытерла о передник испачканные в муке руки и присела рядом с батюшкой.

— Что, мать, никак пироги затеяла? — ласково посмотрев на матушку, спросил отец Николай.

— Да, решила вот побаловать тебя немного, — ответила Елизавета.

Отец Николай с матушкой жили недалеко от города, в деревне Малиновое Озеро. Такое название она получила из-за необычного цвета воды.

Мимо проехал на велосипеде шестнадцатилетний соседский Артём:

— Здравсьте, отец Николай, здрасьте, тётъ Лиз, — скороговоркой выпалил он.

— Здравствуй, Тёмушка, — матушка ласково посмотрела на паренька, и глаза её увлажнились.

— Ну, не надо, Лизонька, столько лет уже прошло, чего там... Господь дал, Господь взял, — вздохнув, сказал отец Николай. — Царствие Небесное нашему Артемию.

В лихие девяностые годы похоронили они своего единственного сына. Служил покойный Артём на Дальнем Востоке. Только окончил военное училище и попал в Чечню. А оттуда вернулся в цинковом гробу. Все глаза проплакала Елизавета, а отец Николай держался. Только седины у него прибавилось. И плечи как будто согнулись под тяжестью горя.

На дороге показалась машина. Она быстро приближалась к дому батюшки.

— Никак гости к нам, отец, — матушка Елизавета поднялась со скамейки. — Пойду в дом, самовар поставлю. И пироги как раз поспеют, к чаю-то.

Батюшка ласково посмотрел ей вслед.

«Волга» белого цвета остановилась возле дома отца Николая. Из неё вышли двое мужчин, похожих друг на друга: один постарше, другой помоложе. Видимо, отец и сын. Батюшка поднялся им навстречу.

— Отец Николай, благословите, — старший первым подошёл к священнику.

— Господь благословит, — батюшка широко осенил их крестным знаменем. — Откуда вы, мои хорошие?

— Из соседнего городка, батюшка, из Антарьи. — Отец Мстислав прислал нас к Вам. Приболел он немного, не исповедует пока. Сказал, чтобы ехали к его духовному брату, к Вам то есть. Вот мы и прибыли.

— Случилось что у вас? А это не сынок ли будет Вам? Что-то он всё в сторонке стоит, будто бы прячется? — обеспокоенно спросил отец Николай. — А звать-то Вас как?

— Иван Кузьмич я, батюшка. Исповедаться приехали мы к Вам. В храме-то редко бываем, всё дела, хлопоты. А жизнь-то повернула так, что бегом к Богу побежали.

— Иван, значит? Ну добре. Сейчас вот чайку попьём, а вечером на Всенощную пойдём. Там я Вас и исповедую. Прошу в дом, матушка моя пироги затеяла, как чувствовала, что гости будут у нас.

Поднялись в избу, Елизавета накрывала на стол. Отец Николай осенил себя крестным знаменем перед иконами, благословил «ястие и питие» и пригласил всех к столу.

— Милости просим. Что Бог послал. Отведайте-ка матушкиных пирожков, знатные получаются у неё. Во рту тают.

За столом потекла неспешно беседа. Нашлись общие знакомые, друзья. Поговорили о храмах, о делах насущных. Сын Ивана Кузьмича молчал, сидел, опустив глаза.

— Сынок, а ты что ж молчишь? — обеспокоенно спросил у него батюшка. — Звать-то тебя как?

— Андрей, — тихо ответил тот и опять уставился в пол.

— Вот что, Иван Кузьмич, ты пока тут посиди с матушкой, чайку попей, а мы пойдём с Андрейкой-то во двор, побеседуем, — сказал отец Николай.

— Ну рассказывай, сынок, какая у тебя тяжесть на сердце, — промолвил батюшка, когда они вышли на улицу. — Садись-ка на лавочку. Думаю, что разговор у нас с тобой выйдет долгий.

— Не знаю, с чего и начать, батюшка, много всего случилось. Тошно мне, пить начал, бросил, противно стало.

— Начни с чего-нибудь, а там само пойдёт, — улыбнулся отец Николай.

И Андрей рассказал:

— Закончил я военное училище в 1995 году. Всю жизнь, с детства, мечтал стать военным, служить. И девушка была у меня, Ольга. Собирались пожениться, всё уже готово было. А она разбилась. Поехала с отцом на машине в соседний город, а на обратном пути в них грузовик врезался. Оба насмерть. Роптал я тогда, батюшка, сильно. Помрачение нашло на меня. У матери иконы были, от бабки ещё остались, так я их порубил все топором и выбросил. Мать рыдала, пыталась меня образумить. На Бога я сильно обижался, хоть и в Храм не ходил. Почти неверующий был, а тут совсем веру потерял.

Улетел служить в Хабаровск, по распределению так попал. Пил почти беспробудно. Прослужил год, попал под сокращение. Решил завербоваться в Иностраннный легион. Подал документы, и меня приняли. Родителям не сообщил о своём намерении. Сказал, что служить остаюсь в Хабаровске. Обманул, в общем. Сейчас понимаю, каким негодяем был. О себе только думал.

Несколько месяцев нас учили: тренировки, тренировки бесконечные. Там я подружился с двумя парнями: один из Украины был, Гервасий; другой из Сербии, Душан. После подготовки высадили нас для выполнения спецзадания где-то в Африке. Везли в самолёте. Нужно было сжечь деревню. Когда поняли, что убивать мы не сможем, особенно стариков и детей, решили бежать на материк. Документов нет, денег нет — ничего нет. Устроились (нелегально, конечно) на корабль матросами. Высадились в Марселе. Мылись на пляже, ели что придётся. Решили идти в Россию. Дошли пешком до границы Германии, больше месяца шли. Два раза нас депортировали во Францию, чудом избежали тюрьмы.

Было очень трудно нам. Жили в горах, жгли костры, ели, что поймаем. А красота-то какая, батюшка, в горах! Солнце садилось на западе. Посмотришь вечером на небо, а там мириады звёзд. И кажется, будто они рядом, близко, стоит только протянуть руку — и коснёшься. В такие минуты я вспоминал слова вечернего богослужения. Мама иногда водила меня, маленького, в церковь. Свете Тихий святых славы Безсмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога... И в такие минуты ты будто застываешь в созерцании открывшегося величия. Хотелось взобраться на самую высокую гору и оттуда прокричать молитву «Отче наш». Тогда я впервые задумался, а для чего я живу? В чём смысл моей жизни? Вспомнил о Боге. Захотелось припасть к Его ногам, как блудному сыну.

И в лесу приходилось жить, батюшка. Там произошла у нас неприятная встреча с волками. Сидим мы как-то в лесу, ужин готовим. Удалось нам добыть немного мяса и спирта накануне. Развели костёр, Душан отошёл за веточками. Вдруг слышим — крик. Бросились мы с Гервасием туда. Видим картину: волк повалил нашего друга и пытается его разорвать. Тот уже в крови весь. Бросились мы вдвоём на волка. Я в той борьбе мизинца лишился на левой руке. А из чащи ещё один волк выходит. Посмотрел я, батюшка, в глаза ему и похолодел, даже на спине волосы зашевелились и затылок как будто ледяным стал. С такой лютой ненавистью он на меня смотрел. Мама в детстве рассказывала мне, что лукавый так на человека смотрит, ненавидит его. Вспомнил я тут, что у меня дымовая шашка есть в кармане, на одном складе стащил. Бросил я в волков, они отступить стали. Подхватили мы с Гервасием Душана и поволокли его к месту, где у нас костёр был. Умер той ночью Душан, батюшка. На руках у меня умер. Там, в лесу, его и похоронили мы. И остались вдвоём с Гервасием.

Во Франции выживать было проще. На верёвках хозяйки развешивают бельё сушить — мы снимаем, надеваем. И подворовывали, конечно, продукты, чтобы прокормиться как-то. Были чернорабочими, строителями, грузчиками. Наверное, все профессии освоил я в те годы.

Спустя несколько месяцев опять подошли к границе с Германией. Познакомились со стрелочником, служащим на немецкой дороге. За неделю построили ему коровник и сарай. Отец ведь меня всему научил: и строить, и мастерить. С детства я ему помогал по хозяйству. Стрелочник нас на дрезине перевёз через границу. Высадил около Бреста.

В общем, где я только ни скитался, батюшка, кем я только не был. И грузчиком в портах, и разнорабочим, за еду работал и за возможность переночевать где-то.

Через шесть лет вернулся я домой. Родители меня уже «похоронили» давно. Они запрос посылали в воинскую часть, в Хабаровск. Выяснили, что я завербовался в Иностраннный легион. От меня ни слуху ни духу. Пришло им известие, что я погиб при выполнении служебного долга.

И вот я, обросший, худой, оборванный, загорелый, стучу в дом. Открывает отец. Не узнал меня:

— Проходите, сейчас обедать будем. Хозяйка на стол накрывает.

Раньше ведь попроще было с гостеприимством, не боялись незнакомых пускать в дом. Мать выходит на кухню с подносом, посмотрела на меня — и в обморок упала. Узнала. Не обманешь материнское сердце. В общем, батюшка, год прошёл, как я вернулся. Дом с отцом строим новый, хозяйство поднимаем. А в душе мира нет, как будто ушло что-то из меня. Живу и не живу. И Душан часто снится мне. Будто входит он в комнату, стоит и молчит. Только пристально смотрит на меня. Вот такие дела, батюшка...

— А ты поживи-ка у нас месяц-другой, помоги храм отремонтировать. Потрудишься во славу Божью. А там, глядишь, всё и образуется. Господь управит твою жизнь, — немного подумав, ответил ему отец Николай. — Пусть Иван Кузьмич возвращается, а ты оставайся. Недалеко ведь живём, приедешь к родителям. А за Душана молись. Сам молись, дома. Если узнаешь что-нибудь о его семье, спроси, крещёный ли он был. Среди сербов ведь много православных встречается.

Так Андрей остался у отца Николая. Почти год прожил он в Машиновом Озере. Как мог, помогал батюшке с матушкой храм восстанавливать: и рабочим был, и сторожем, и маляром. Успокоился,

окреп духом. Часто исповедался и причащался. Всем сердцем любил он кроткого протоиерея Николая. Тот стал духовным его отцом, наставником. Долгими зимними вечерами сидели отец Николай и Андрей за столом возле печки, неспешно вели душеполезные беседы и пили ароматный чай. Батюшка называл такие вечера «душевым чаем». Андрей постепенно оттаял душой и сердцем, любил бывать на службах в храме.

Нашёл он и родителей Душана, даже слетал к ним в Сербию. Узнал, что крестили друга его с именем Димитрий. Теперь об упокоении можно и в храме молиться. Андрюша стал часто задумываться о монастыре. О том, чтобы уйти туда. Только в этом он видел своё предназначение и смысл жизни. Думал, что только там спастись можно. Отец Николай не благословил.

— В миру тоже хорошие люди нужны. Оставайся с родителями. Настрадались они, пока ты в погибших числился, — так ответил ему мудрый батюшка. — А со временем, глядишь, и в священники пойдёшь, Богу послужишь. Если не передумаешь, конечно.

Вернувшись в Антарью, к родителям, Андрей организовал небольшой бизнес, строительный. Женился на хорошей девушке, Людмиле. Своего первенца назвали Николаем, Коленькой. Крёстным отцом стал батюшка.

Прошло десять лет.

Отец Николай с матушкой Елизаветой отошли ко Господу, туда, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Упокоились они на церковном старом кладбище. Как жили всю жизнь, нося тяготы друг друга, так и к Господу ушли почти в один день.

В храме, где раньше служил отец Николай, теперь служит отец Андрей. Доброго, справедливого батюшку полюбили все прихожане. Бабушки ласково называют его «наш отец Андрюша». Его жена, матушка Людмила, настоящая опора и поддержка для батюшки.

Гервасий, друг отца Андрея, перебрался в деревню Малиновое Озеро. Взял ссуду в банке и построил большой молокозавод. Много рабочих мест дал молодым, чтобы не уезжали из деревни. Даже из других сёл и деревень стала стекаться молодёжь. Вдохнул жизнь в угасающую деревню, «влил молодую кровь».

И забурлила, потекла жизнь в Малиновом Озере. Настоящим райцентром стал этот всеми забытый уголок.

В доме у отца Андрея часто собираются люди: кто за утешением придёт, кто просто в гости заглянет. Даже из других деревень приезжают. Отец Андрей читает жития святых, рассказывает истории про их подвиги, даёт всем совет и утешение. И всем хозяева рады, для всех найдётся приют и доброе слово. Как мотыльки на огонёк слетаются, так и жители деревни приходят в дом отца Андрея послушать его добрые наставления. Приходят на «тёплый огонёк его души, которая во мраке светит».

Когда батюшку спросили, не устаёт ли он от постоянного присутствия посторонних в доме, он ответил словами старца Порфирия Кавсокаливита:

— Разве ж они посторонние? Каждый ближний наш, каждый окружающий — это плоть от плоти нашей (Быт 2:23). Разве я могу быть равнодушным к нему, могу ли я его прогнать, отпустить неутешенным? Нужно стать едиными в Боге. Если мы будем поступать так, то станем Его близкими. Лучше этого единства нет ничего. Вот где Церковь. Вот где православие. Вот где рай.